

Вернувшись в небольшой дворик, она уже собиралась отправиться на отдых вместе с Цуйлю, как вдруг услышала голос Цзюньчжу:

— Чу Сюэ, останешься сегодня дежурить ночью.

Цуйлю откланялась. Хотя Чу Сюэ была не в восторге от такого распоряжения, она не посмела показать своего недовольства. Когда Цзюньчжу вошла во внутренние покои, служанки помогли ей снять платье.

О том, чтобы воспользоваться роскошной купальней Цзюньчжу, не могло быть и речи, но то, что служанки приготовили для неё горячую воду, уже было большой милостью. Быстро ополоснувшись в простой деревянной лохани, она последовала за служанками в спальню госпожи.

Она надеялась, что Цзюньчжу проявит доброту и для ночного дежурства найдётся хотя бы маленькая кушетка, на которой можно вытянуться. Однако в комнате стоял лишь крошечный табурет. Заглянув глубже, она увидела гардеробную, полную драгоценностей и украшений такой красоты, что даже чистое золото рядом с ними казалось тусклым.

Вокруг кровати уже расставили ледяные чаши для прохлады, полог был опущен, и служанки всё подготовили к приходу Цзюньчжу. Чу Сюэ размышляла: неужели дежурство означает просто стоять всю ночь напролет? Впрочем, вряд ли от неё потребуют стоять на коленях.

В маленьком дворике Цзюньчжу было всего около десятка служанок и пожилых прислужниц. Сколько же тогда прислуги у императора и принцессы, которых она видела сегодня? Впрочем, принцесса была одета в простое розовое платье, украшения её были под стать тем, что носила Цзюньчжу, — казалось, она жила лишь самую малость богаче, чем обитатели этого поместья.

Вскоре подошла Цзюньчжу. Она молча села на кровать и, взглянув на Чу Сюэ, негромко приказала:

— Обмахивай.

— Слушаюсь. — Видя, что Цзюньчжу улеглась, Чу Сюэ взяла веер и принялась осторожно обмахивать госпожу. Она старалась делать это плавно, боясь как простудить Цзюньчжу, так и потревожить её сон.

— Я хотела, чтобы ты почитала мне, но ты не захотела. Сегодня ночью спи снаружи, — Цзюньчжу медленно закрыла глаза, даже не взглянув на неё, при этом на широкой изысканной кровати она оставила свободным добрую половину места.

Хотя кровать была огромной, а тон Цзюньчжу — совершенно спокойным, Чу Сюэ поспешно опустила на колени и, дрожа, проговорила:

— Рабыня виновата. Впредь буду служить вам всем сердцем, без задних мыслей. Прошу,

накажите меня.

— Вычту жалование за месяц. Спи.

— Благодарю, Цзюньчжу. — Она с облегчением выдохнула, осторожно поднялась и легла на самый край.

В душе она не переставала корить себя: сегодня она выпросила награду, чем вызвала недовольство принцессы; когда Цзюньчжу отдала ей распоряжение, она проявила нежелание; когда госпожа захотела послушать книгу, она не подготовилась заранее. Хорошо, что Цзюньчжу оказалась милостива и ограничилась лишь вычетом из жалования. Больше такого не повторится — она непременно будет служить госпоже преданно.

Неизвестно, сколько времени прошло. Снаружи надрывно стрекотали цикады, сквозь окно пробивался прекрасный лунный свет, но уснуть она не могла. Зная, что Цзюньчжу лежит совсем рядом, она боялась даже пошевелиться.

Вдруг она услышала голос:

— Чу Сюэ.

— Я здесь, госпожа, — она тут же отозвалась, подумав, что, возможно, Цзюньчжу нужно выйти.

Цзюньчжу вдруг рассмеялась и спросила:

— Почему ты съежилась на самом краю? Ложись ближе, чего ты жмешься? Или боишься, что сестрица тебя съест?

Услышав это, она невольно улыбнулась, перевернулась и, увидев изящное личико Цзюньчжу, осмелилась спросить:

— Цзюньчжу, можно ли завтра попросить вас взять меня с собой прогуляться в саду поместья?

— Ишь ты, научилась уже требования выдвигать, — Цзюньчжу усмехнулась, но прямого ответа не дала.

На следующее утро, проснувшись в полузабытии, она обнаружила, что Цзюньчжу уже сидит на кровати. Хотя она знала, что госпожа не станет её бранить, ей было неловко, что служанка проснулась позже своей хозяйки.

На востоке небо окрасилось в бледный цвет, постепенно вытесняя ночную тьму. Ранние птицы нарушили предрассветную тишину, а на оконных переплетах ещё чувствовалась ночная прохлада. Снаружи уже суетились служанки — должно быть, сановники уже отправились на утренний доклад к императору.

Утренний свет падал на Цзюньчжу, подчеркивая её тонкие, юные черты лица. Несмотря на малый возраст, в ней уже чувствовалась необыкновенная стать. Кожа её была бела, как снег, а в ясных глазах, словно утренние звезды, искрился живой свет. Плечи Цзюньчжу слегка вздымались — всё в ней было удивительно естественно.

Чу Сюэ поспешно поднялась, чтобы помочь госпоже снять ночное платье. Когда её пальцы коснулись нежной, белой кожи плеч Цзюньчжу, сердце её сжалось, а руки невольно задрожали. Кожа госпожи была мягкой и гладкой, словно первый снег, — взгляд невозможно было отвести.

Вскоре слышались шаги, и в комнату вошли служанки с горячей водой. Они бесшумно расставили тазы за ширмой и принялись за работу: кто-то готовил принадлежности для умывания, кто-то замер в ожидании приказаний.

Когда Цзюньчжу закончила омовение и сменила наряд, она стала выглядеть ещё величественнее. Её детское, но прекрасное лицо излучало уверенность и спокойствие.

Сегодня Чу Сюэ снова сопровождала Цзюньчжу в главный дом для утреннего приветствия. Утро выдалось прохладным. У самых дверей они увидели статную девушку с гордым, решительным взглядом.

— Приветствую старшую невестку, — Цзюньчжу низко поклонилась. Чу Сюэ поспешила последовать её примеру: — Рабыня приветствует супругу наследного сына.

Служанкам вход был воспрещен, поэтому, проводив взглядом Цзюньчжу и супругу наследного сына, Чу Сюэ осталась ждать среди других слуг. Про себя она подумала: это первый раз, когда она видит жену старшего молодого господина — настоящая жена воина, какая стать!

Однако не успела Цзюньчжу выйти, как появился второй господин. Он выглядел растрепанным, а следом за ним, что-то встревоженно нашептывая, семенил Сяо Шунь. Второй господин сразу выделил её из толпы служанок и, не спеша подойдя, спросил:

— Эй, Чу Сюэ, это ты?

— Рабыня приветствует второго господина. — Она отступила на шаг и лишь затем поклонилась, чтобы избежать лишних сплетен — становиться наложницей она не желала.

Второй господин отмахнулся и вошел внутрь, а Сяо Шунь остался ждать в стороне.

Вскоре вышла Цзюньчжу, и Чу Сюэ поспешила поддержать её. Следом показался второй господин; Сяо Шунь тут же подбежал к нему, продолжая что-то бубнить, — казалось, что порядок вещей в этом доме перевернут с ног на голову.

Сегодня Цзюньчжу милостиво разрешила ей разделить с ней завтрак. После сытной трапезы

она принялась за чтение книг — это стало её основной обязанностью.

Неизвестно, сколько прошло времени, но горло у неё совсем пересохло. Впрочем, грушевый отвар был уже готов, и, увидев, что Цзюньчжу махнула рукой, она наконец отложила книгу и сделала глоток. Сладкий отвар пролился по иссохшему руслу горла, словно живительный источник.

— Позже приберись в кабинете. Если хочешь что-то почитать — читай там.

В кабинете, как всегда, царил идеальный порядок. На столе по-прежнему лежала книга о женских добродетелях. Чу Сюэ полистала её: сплошь наставления о том, как женщина должна быть кроткой, соблюдать правила и во всём подчиняться мужчинам.

Она молча закрыла книгу, достала бумагу и из множества кистей выбрала ту, что пожестче. Сюжет она уже давно продумала, а слог не обязательно должен быть идеальным — позже владелец лавки найдет человека, который подправит текст.

После обеда она продолжила читать Цзюньчжу. Читая всё больше, она стала делать меньше ошибок, и когда она дочитала отрывок до конца, то поняла, что Цзюньчжу уже уснула.

Она с чувством подумала о том, как добра к ней госпожа. Допив грушевый отвар до дна, она осознала, что это та самая милость, которой могут лишь завидовать другие служанки.

<http://bllate.org/book/21467/2196255>